

Г. Субъективность и эрос

Чувственное наслаждение как соединение любящего и любимой питается собственным дуализмом: одновременно слиянием и различием. Существование дуализма не означает, что в любви эгоизм любящего хотел бы в получаемой им любви видеть свидетельство своего признания. Любить, чтобы меня любили, — не является ни интенцией, ни мышлением субъекта, мыслящего свое сладострастие и, таким образом, находящегося вне единства чувства (несмотря на возможные рассудочные экстраполяции сладострастия и на жажду взаимности, направляющую влюбленных к наслаждению). Чувственное наслаждение преобразует самого субъекта, идентичность которого теперь зависит не от инициативы господства, а от пассивности получаемой любви. Любовь — это волнение и страсть, скорее постоянное приобщение к тайне (initiation), чем инициатива (initiative). Эрос нельзя понимать как некую надстройку, где индивид был бы основанием и субъектом. В чувственном наслаждении субъект ощущает себя в качестве «себя» (не в качестве объекта или темы) другого, а не только в качестве собственного «себя». Связь с плотским и нежным беспрестанно ведет это «себя» к возрождению: волнение субъекта не отступает после того, как завладело им полностью: волнение — это умиление и расслабление субъекта, о которых мужественное, героическое «я» будет вспоминать как о чем-то, что не идет ни в какое сравнение с «серьезными вещами». В эротической связи наблюдается характерный поворот субъективности, обусловленный определенной позицией, поворот мужественного и героического «я», которое, полагая себя, останавливало анонимный ход il y a и определяло открытый навстречу свету способ существования. В эротической связи разворачивается игра возможностей, какими обладает «я», и в ходе этой игры, в различных формах «я», в бытии проявляется исток. Бытие выступает здесь не как определенность тотальности, а как нескончаемое возобновление и, тем самым, как бесконечность. Однако в самом субъекте проявление истока есть начало старения и смерти, которые насмеются над властью. «Я» возвращается к себе, становится Самотождественным и, несмотря на все возобновления, оказывается в полном одиночестве, свидетельствуя о необратимости судьбы. Владение собой становится для «я» загруженностью собой. Субъект навязан себе, он — как собственность. Свобода полагającego себя субъекта не похожа на свободу существа, свободного как ветер. Она налагает ответственность — что должно казаться удивительным, поскольку ничто не противостоит свободе больше, чем несвобода ответственности. Совпадение свободы и ответственности конституирует «я» субъекта, дублируемого «собой», обремененного «собой».

Эрос освобождает «я» от этой обремененности, приостанавливая возвращение «я» к «себе». Хотя при этом «я», соединяясь с другим, не исчезает, но оно не создает и совершенного произведения, наподобие творения Пигмалиона: его произведение безжизненно, оно оставляет «я» один на один со старостью, ожидающей его в конце пути. Эрос не только выводит мышление субъекта за пределы объектов и лиц. Он устремляется к будущему, которого еще нет и которое я не только смогу ощутить — я сам стану этим будущим: это «я» не обладает более структурой субъекта, который мог бы, как Улисс, по окончании любого

путешествия возвратиться на свой остров. «Я» устремляется вперед безвозвратно и встречает «я» другого; его удовольствие и его страдание становятся удовольствием, получаемым от удовольствия или страдания другого, хотя это не симпатия и не сострадание. Его будущее не может «впасть» в прошлое с тем, чтобы его обновить, — оно остается абсолютным будущим благодаря субъективности, цель которой состоит не в сохранении представлений или возможностей, а в трансцендировании к плодovitости. «Трансценденция плодovitости» не обладает интенциональной структурой — поскольку она не коренится в собственных возможностях, — ведь к ней присоединяется инаковость женского начала: эротическая субъективность конституируется в совместном акте того, кто питает чувство, и того, на кого чувство направлено, она конституируется как «я» Другого и, тем самым, внутри отношения к Другому, внутри отношения к лицу. В этом единении обнаруживается некая двойственность: Другой предстает как переживаемый мною, как объект моего наслаждения. Вот почему эротическая любовь, как мы уже говорили, колеблется между потусторонностью желания и посюсторонностью потребности, а наслаждение, получаемое от эротической любви, сродни другим удовольствиям и радостям жизни. Но эротическая любовь находится и по ту сторону всякого удовольствия и всякой возможности, по ту сторону борьбы со свободой Другого: ведь любящая субъективность — это сама транс-субстанциальность, и это отношение, не похожее на отношение между двумя субстанциями, и котором проявляется его надсубстанциальный характер, — разрешается в отцовстве. «По ту сторону субстанций» не предоставляет возможностей для утверждения «я», но оно и не порождает в бытии безличностное, нейтральное, анонимное — до-личностное или сверх-личностное. Это будущее все еще соотносится с личностным, от которого оно вместе с тем освобождается: это будущее — ребенок, в каком-то смысле мой ребенок, или, точнее, «я», но не «я-сам», он не вторгается в мое прошлое, чтобы слиться с ним и предначертать судьбу. Смысл субъективности плодovitости меняется. Будучи потребностью, Эрос логически связан с самоидентичным, в логическом значении слова, субъектом. Однако неизбежная соотнесенность эротического с будущим через плодovitость выявляет радикально иную структуру: субъект — это не только все то, что он будет делать, — он не поддерживает с инаковостью отношения мышления, для которого другой является темой, он не обладает структурой речи, запрашивающей другого; он будет другим по отношению к себе, и в то же время останется самим собой, но не благодаря тому, что есть нечто общее между прошлыми и новыми превращениями. Такого рода изменение и идентификация, осуществляемые через плодovitость, — по ту сторону возможного и лица — конституируют отцовство. В отцовстве желание, остающееся неутоляемым желанием — то есть добротой, — реализуется. Оно не может реализоваться путем удовлетворения. Для Желания реализоваться означает дать жизнь существу доброму, быть добротой доброты.

Структура идентичности, которой обладает субъективность, складывающаяся исходя из Эроса, выводит нас за пределы категорий классической логики. Конечно, «я», это тождество *par excellence*, часто обнаруживалось вне тождества, «я» вырисовывалось за пределами «я». Мышление вслушивалось само в себя. Муза, гений, демон Сократа, Мефистофель Фауста говорили в глубине «я» и руководили им. Иными словами, свобода абсолютного начала обнаруживает свою покорность скрытым формам безличного и нейтрального: это и гегелевское универсальное, и социальное Дюркгейма, и управляющие нашей свободой статистические законы, и бессознательное Фрейда, и поддерживающие экзистенцию хайдеггеровские экзистенциалы. Все эти понятия говорят не о противостоянии различных

способностей «я», а о том, что за «я» находится чуждое ему начало, которое не обязательно противопоставляется «я», однако может действовать как его враг. Всем этим влияниям противостоит господин Тест [93], который хочет быть не чем иным, как Я, абсолютным истоком всех этих процессов, без того, чтобы какое-либо личностное начало или сущность диктовали ему его действия. Но если мы должны ввести понятие субъекта, отличное от этого абсолютного Я господина Теста, то оно вовсе не будет означать, что за «я» стоит другое «я», неизвестное «я» сознательному, создающее для него новые препятствия. Именно в качестве себя самого Я, через свою связь с Другим в женственном, освобождается от своей идентичности и может стать другим, опираясь на свое «я» как на начало. Под различными формами Я бытие может производить себя, бесконечно возобновляясь, — иными словами, как собственное бесконечное.

Понятие плодовитости не соотносится с объективной идеей рода, куда «я» включено по воле случая. Или, если угодно, единство рода обусловлено желанием «я», не отвергающего изначального события, в котором его бытие заявляет о себе. Плодовитость составляет часть драмы самого «я». Интерсубъективное, вытекающее из понятия плодовитости, открывает такую перспективу, в которой «я», возвращаясь к себе, освобождается от своего трагического эгоизма и вместе с тем не растворяется без следа в коллективном. Плодовитость свидетельствует о единстве, которое не противостоит множественности, а строго говоря, порождает ее.

Версия #1

Зверобой создал 2 декабря 2025 20:36:55

Зверобой обновил 2 декабря 2025 20:37:07